

Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью

Е. А. Агеева*

Аннотация. В статье на основе периодических изданий, архивных документов и статистических материалов рассматривается развитие прессы в условиях революционных преобразований (1917–1918 гг.). Акцентируется внимание на вопросах управления периодической печатью, ее роли в становлении власти большевиков. Автором анализируются новые формы организации печатного дела, влияние профсоюза печатников на функционирование прессы, показана противоречивость мероприятий большевиков в становлении социалистической печати, особенности реализации декретов о печати в Москве.

Ключевые слова: свобода печати; оппозиционная пресса; материальные ресурсы печатного дела; национализация собственности; распределение материальных средств; государственная монополия на объявления; распространение печатной продукции; Союз работников печатного дела.

Средства массовой информации являются важнейшим фактором влияния на общественное развитие. Печатные СМИ со времени открытия И. Гутенберга были одним из главных информационных каналов влияния на общественное сознание. Октябрьская революция 1917 г. положила начало реализации радикальных идей управления экономикой — национализации производства, централизации управления и контроля в руках государственного аппарата, преобладания функций распределения и прямого товарообмена.

Революция с первых дней своего развития оказалась перед проблемой практического осуществления программных положений большевистской партии. Становление социалистических отношений усложнялось рядом факторов: политической нестабильностью,

распадом хозяйственных связей, топливным, транспортным, продовольственным кризисом, развалом производства, натурализацией экономики, инфляцией. Объективная необходимость экономической стабилизации, преодоления хаоса войны и разрухи совпала со стратегическими идеями большевиков по замене рыночных отношений плановым развитием народного хозяйства. Следовательно, главными должны были стать процессы обобществления производства и налаживание централизованного распределения продукции.

Периодическая печать России до Октябрьской революции развивалась в соответствии с общими закономерностями, свойственными развитию этой сферы в развитых странах. Основными были процессы создания издательских «империй», появление так называемых

* Агеева Елена Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета. E-mail: Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru.

«газетных цепей», включавших в себя весь производственный цикл. Примером подобной монополии может служить «империя» А. С. Суворина, которого современники называли «Наполеоном издательского дела России». В его концерн «Новое время» помимо книжного издательства, редакций газет и журналов входили типография, оснащенная современной техникой, агентство по распространению печатной продукции, школа типографского дела. Суворин владел 30000 десятинами леса и бумагопрядильной фабрикой, что давало возможность обеспечивать концерн бумагой. Он купил право продажи издаваемых им газет и книг на железных дорогах страны. Для тех, кто работал над газетой «Новое время», существовали определенные социальные гарантии: служащие типографии, магазина и конторы образовали в 1898 г. «Ссудно-сберегательное товарищество» и «Взаимно-вспомогательное товарищество», основным капиталом для которых был дан Сувориным.

После Февральской революции ускорился процесс дифференциации прессы и роста числа периодических изданий. Российская специфика состояла еще и в том, что в печатном деле в дореволюционной России государственное присутствие было незначительным. Эти факторы в дальнейшем замедлили и усложнили большевикам обобществление печатной индустрии и его регулирование. Тем не менее преобразования, начатые большевиками в 1917 г., коренным образом изменили систему прессы России, роль и место периодической печати в общественно-политической и экономической жизни страны.

За годы советской власти создана значительная литература, которая в целом отражала процесс становления и развития большевистской периодической печати. Советская историография газетной периодики революции, как и вся советская историческая наука, имела ярко выраженный идеологический оттенок. В работах подавляющего числа авторов присутствует общая схема: после разгрома буржуазной прессы — расцвет прессы

социалистической (работы Р. П. Овсепяна, Б. И. Есина, И. В. Кузнецова, А. З. Огорокова и других). Эти авторы создали и современную историографию проблемы, убрав положения о «классовом принципе руководства печатью», о «лживой и клеветнической деятельности меньшевиков и эсеров», о «неизбежности победы социализма» и другие дефиниции, которые присутствовали в их более ранних работах. Были написаны крупные монографии по вопросам функционирования прессы в годы революции и Гражданской войны с применением современных методов анализа. Например, работа Л. А. Молчанова «Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.)»¹. В научный оборот вовлечен, систематизирован и обобщен большой фактический материал по истории периодики. Однако не все проблемы развития прессы исследованы в полной мере. Очевидно, что требуется, например, монографическое исследование проблем взаимодействия Советской власти и периодической печати.

Автор данной работы ставит перед собой задачу анализа развития прессы 1917–1918 гг. и ее взаимодействие с новой властью. Ключевая проблема состоит в том, чтобы выяснить, как партия, не имеющая поддержки большинства населения, пыталась удержаться у власти, какие средства при этом использовались, какова роль прессы в этой ситуации. Вызывают научный интерес специфические условия положения «второй» столицы, практика решения проблем управления прессой в Москве, поиски новых форм организации печатного дела, влияние профсоюза печатников на функционирование прессы.

В качестве основного источника и одновременно объекта исследования использовались периодическая печать 1917–1918 гг., а также архивные фонды и статистические материалы.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России оказала значительное влияние на развитие прессы. Она принесла политический плюрализм, многопартийность, предоставила свободу печати. Закон

¹ См.: Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002.

27 апреля 1917 г. определял порядок учреждения изданий, упразднял должности особых цензоров, учреждал книжную палату как орган регистрации книжной продукции. Однако его главное значение было в другом: в условиях революции Закон о печати способствовал удовлетворению огромного спроса народных масс, особенно городского населения, на все виды печатной продукции, в том числе на регулярно выходящую периодику.

Пункт о свободе печати был в программах всех политических партий, от кадетов до социал-демократов. Очевидно, что этот шаг Временного правительства был неизбежен и исторически предопределен. Проблема, однако, заключалась в другом. Способствовала ли политическая и экономическая ситуация в России проведению его в жизнь?

Империалистическая война вызвала общий кризис промышленности, бумажного и полиграфического производства. Даже наиболее крупные издательские фирмы Сытина, Коновалова, Брокгауза и Эфрона, Вольфа, Суворина, братьев Салаевых хотя и продолжали свою деятельность, но испытывали большие материальные затруднения. В главном издательском центре страны — Петрограде из 350 типографий осталось 120, число рабочих сократилось с 32 тыс. до 15,4 тыс., в Москве из 300 типографий осталось 145, число рабочих в них уменьшилось вдвое: с 24 тыс. до 12 тыс.²

Кризисное положение периодической печати в 1917 г. было очевидным для широких кругов русской общественности. Озабоченность судьбой печати выразило Русское библиографическое общество, которое существовало с 1889 по 1930 г. и наряду с Французским библиографическим обществом было одной из первых в мире организаций библиографов и книговедов³.

Русское библиографическое общество обратилось к Временному правительству с просьбой оказать содействие в осуществлении следующих мер.

1. Немедленно широко оповестить все население России о том, что для открытия типографий и всяких печатных заведений на дому не требуется никаких разрешений.

2. Принять меры к отмене всех ограничений, которые ставятся свободному проникновению из-за границы принадлежностей печатного дела.

3. Ввести в возможно большем числе учебных заведений обучение набору и печатному делу⁴.

Понятно, что осуществление такой либеральной программы вывода полиграфической промышленности из кризиса не могло привести к серьезному изменению положения на рынке печатной продукции.

Лидеры левых сил были настроены и действовали гораздо более радикально. Весной 1917 г. они создали объединение, целью которого было решение проблем управления, снабжения и финансирования печати. В Бюро социалистической печати вошли редакторы газет «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Правда», «Дело народа», «Земля и воля», «Новая жизнь», «Голос народа», «Солдатская правда», «Еврейская рабочая хроника».

Одной из острейших проблем, стоящих перед Бюро, являлась нехватка материально-технических средств, в частности бумаги. Московские большевики в «Социал-демократе» от 12 апреля 1917 г. сформулировали конкретное требование равномерного распределения бумаги между всеми газетами для более полной реализации принципа свободы печати. Этот и другие факты могут означать, что идея

² Назаров А. И. Октябрь и книга (1917–1923). М.: Наука, 1968. С. 25–26.

³ Одним из направлений деятельности РБО было исследование и распространение сведений о русской периодической печати. Был составлен проект устава «Общества деятелей периодической печати» (впоследствии — «Общество деятелей периодической печати и литературы»), создана комиссия по вопросам организации всероссийского юбилея 200-летия русской периодической печати, существовавшая в 1901–1902 гг. После Февральской революции, когда прекратилась государственная регистрация произведений печати, возникла комиссия по регистрации текущей литературы, единственная до октября 1917 г. Инициатором и председателем комиссии, просуществовавшей с 29 апреля 1917 по 12 мая 1918 г., являлся Б. С. Боднарский, в ней работали только члены РБО. Осуществляя большую часть своих изданий в типографии «Товарищества Рябушинских», руководители общества, несомненно, были знакомы с трудностями издательского дела.

⁴ См.: Библиографические известия, 1917. № 1–2.

насильственного решения проблемы обеспечения материально-техническими средствами и централизованного распределения родилась у вождей социал-демократии сразу после Февральской революции.

Однако наблюдались и тенденции иного содержания. Сохранился заверенный нотариусом договор от 15 апреля 1917 г., по которому Е. Д. Стасова, А. Е. Бадаев, И. А. Теодорович, В. И. Ульянов, И. Джугашвили, Е. А. Радомысльский, П. И. Стучка, К. М. Шведчиков учреждали в Петрограде товарищество «Рабочая печать» для выпуска периодической и непериодической печати в России. Уставной капитал товарищества составлял 200 тыс. руб.⁵ Это свидетельствует о попытке большевиков решить проблемы, связанные с выпуском периодических изданий, легальными средствами.

События 3–4 июля и корниловский мятеж 1917 г. изменили позицию большевиков в вопросах печати. В середине сентября 1917 г., когда большевики перешли к подготовке вооруженного захвата власти, В. И. Ленин как одну из задач революции выдвинул закрытие буржуазных газет, конфискацию их типографий и запасов бумаги, введение государственной монополии на печатание платных объявлений.

Как известно, после прихода к власти большевики закрыли в Петрограде большинство оппозиционных изданий на основании «Декрета о печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. О его реализации написано много работ, содержание которых вполне однозначно: подчеркивается классовый подход большевиков к проблеме свободы печати, антидемократизм их действий, радикализм стратегии новой власти и т. д. Но в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича сохранились свидетельства о рациональном и осторожном подходе В. И. Ленина к проблеме буржуазных газет при новой власти. Была сформулирована «идея клапанов», «через которые будет выходить то совершенно естественное негодование буржуазных слоев, столь сильно

ограниченных Октябрьской революцией»⁶. Можно утверждать, что эта идея широко используется современными СМИ, особенно когда речь идет о социально-экономической проблематике.

Вторая столица России — Москва показала значительное своеобразие процессов развития прессы в начальной фазе революции. Москва после Петрограда была самым крупным издательским центром. По имеющимся данным, накануне октября 1917 г. здесь выходило 367 периодических изданий: 96 газет и 271 журнал, годовой тираж которых превышал 450 млн экземпляров. Такие газеты, как «Раннее утро», «Утро России», «Заря России», «День», имели тираж, превышавший 100 тыс. экземпляров каждая. Газета «Новая жизнь» расходилась тиражом в 150 тыс. экземпляров, самая крупная из буржуазных московских газет «Русское слово» печаталась тиражом 350 тыс. экземпляров⁷. В 1918 г., согласно статистическим данным, в Москве издавалось уже 409 периодических изданий. Это означало, что росло число зарегистрированных изданий, но не распространенность периодической печати, так как регистрировались органы, которые по определению не могли иметь широкого круга читателей, например, «Революционный эсперантист».

В первые дни после прихода к власти большевиков в Москве выходили все буржуазные газеты. Они внушали обывателю, что восстание не более чем бунт против республики, который будет скоро подавлен в Петрограде, а до Москвы вообще не дойдет. При этом на первых полосах рекламировались товары, давались объявления о выступлении цирка, общались рецепты блюд, то есть создавалась иллюзия старой, мирной московской жизни. Так продолжалось до начала восстания в Москве. В дни боев буржуазные газеты не выходили, распространялась только меньшевистская газета «Вперед», в каждом номере писавшая об «авантюре, затеянной большевиками».

⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4.

⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Конец буржуазной печати // Журналист, 1927. № 11. С. 8.

⁷ Лебедев Д. А. Шесть лет Московской печати. 1917–1923. М., 1924. С. 11.

К первым дням революции относится начало дискуссии в Московском военно-революционном комитете (МВРК) по вопросу об отношении к буржуазной прессе. А. Я. Аросев, член МВРК, вспоминал, что мнения разделились. «Одни говорили, что позволять буржуазии вести пропаганду и организовывать свои ряды вокруг печатных органов — бессмыслица. Другие возражали, аргументируя тем, что если мы остаемся на почве Учредительного собрания, то нельзя не допустить свободу пропаганды для всех. Победила та сторона, которая стояла за свободу выхода буржуазных газет»⁸.

6 ноября 1917 г. МВРК принял декрет о печати, согласно которому с 8 ноября 1917 г. в Москве разрешался беспрепятственный выход всех органов печати при условии оплаты рабочим и служащим «прогульного времени» с 28 октября по день открытия газеты. Правда, восстанавливая свободу печати, ВРК предупредил, что никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Таким образом, в Москве сложилась противоречивая ситуация: центральные партийные органы выработали определенную политическую линию, закрыв согласно Декрету от 27 октября 1917 г. практически всю буржуазную прессу, а МВРК и Московский совет (МС) провели собственную линию. В Москве действовал собственный, московский декрет о печати, разрешавший выход всех газет. Здесь сложились такие условия, которые позволяли вести поиски собственных новых форм организации печатного дела.

Буржуазная, демократическая и «независимая» печать дала единую для оппозиционной прессы трактовку причин «измены московских большевиков торжественному обещанию Ленину». «Только единодушное осуждение всей демократией большевистской системы террора и насилия; осуждение, к которому присоединил свой голос московский союз печатников, заставил большевистскую власть отказаться от ленинской системы «свободы печати», — такова версия меньшевистской

«Вперед» и других оппозиционных газет⁹. Так или иначе, в революционной Москве существовал месячный опыт полной свободы печати. Позднее были периоды ограничения свободного выхода газет: с 8 ноября по 20 декабря 1917 г. в связи с восстанием Каледина, в марте 1918 г. — с подписанием Брестского мира, в июне 1918 г. — с мятежом белочехов. Но даже после переезда в Москву Совета Народных Комиссаров (СНК) в марте 1918 г. и принятия соответствующего постановления оппозиционная пресса в Москве продолжала существовать. Было закрыто на короткий срок несколько так называемых «бульварных листков», например, «Вечернего курьера». В целом весной 1918 г. в Москве сохранились довольно широкие легальные возможности для оппозиционной прессы: выходили «Вперед» (меньшевистская), «Земля и воля» (правоэсеровская), «Анархия», «Жизнь», «Четвертый час» (независимые) и др. Отдельные печатные органы, например, «Всегда вперед», просуществовали до 1919 г. Только после левозсеровского мятежа Московским Советом были приняты более действенные меры: удостоверения о регистрации повременных изданий, выданные до 6 июля 1918 г., объявлялись недействительными, многие издания закрывались.

Огромное влияние на положение московской периодической печати оказывали материально-технические проблемы в полиграфическом производстве. Одной из наиболее острых для новой власти была проблема организации печатного производства. Ни «Известия», ни «Социал-демократ» не имели собственной типографии. «Известия» из типографии «Русского слова» пришлось перевести в небольшую типографию акционерного общества «Московское издательство», мощность которого составляла максимум 40 тыс. экземпляров. В марте 1917 г. редакция «Социал-демократа» выпустила обращение ко всем рабочим о сборе средств на покупку типографии. Сбор средств на партийную типографию в Москве проходил как большая политическая кампания. «Социал-демократ» регулярно

⁸ Аросев А. Я. Как закрывали буржуазные газеты // Красная нива, 1929. № 4. С. 8.

⁹ См.: *Вперед*, 1917. 9 нояб.; *Утро России*. 1917. 8 нояб.; *Новая жизнь*. 1917, 7 нояб.

печатал сведения, от каких комитетов поступили денежные средства. К октябрю было собрано 100 тыс. руб. Понятно, что эти добровольные взносы нельзя рассматривать как инвестирование в печатное дело. Собранные средства также не были заемными, так как направлялись в партийную кассу и подлежали распределению в соответствии с партийными нуждами. Приобрести собственную типографию большевики не смогли, но был увеличен формат «Социал-демократа», выпускались экстренные номера.

Проблема поиска финансовых ресурсов для организации печатного дела связана с доходностью печатного органа. Интересен в связи с этим опыт ценообразования в большевистской газете «Деревенская правда». Его особенности были доведены до читателя в первом номере. Газета издавалась на пожертвования, и издание одного номера обходилось в 9 коп. при тираже в 20 тыс. экземпляров и ежедневном выходе. Однако стоимость номера оценивалась в 12 коп. с учетом того, что четвертая часть тиража направлялась бесплатно на фронт и в деревню¹⁰. Таким образом, в этом опыте можно наблюдать соединение политики и экономики, реализации и распределения произведенной продукции.

«Декретом о печати» от 27 октября 1917 г. большевики помимо политических проблем решили и экономические. Наряду с закрытием оппозиционных изданий, советская власть стремилась подорвать материально-финансовую базу небольшевистских газет, так как последние имели в своем распоряжении хорошо оборудованные типографии, запасы бумаги и квалифицированные кадры. Это было их серьезным преимуществом. Было решено лишить небольшевистские газеты доходов, которые они получали от публикации частных объявлений. Декрет о введении государственной монополии на объявления от 7 (20) ноября 1917 г. был подписан В. И. Лениным и А. В. Луначарским. Незадолго до принятия данного декрета В. И. Ленин

поручил управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу подсчитать, какой доход дают объявления наиболее распространенных буржуазных газет «Речь», «День», «Русское слово». Бонч-Бруевич пришел к выводу, что объявления буржуазных газет являются по самому приблизительному расчету главным денежным рычагом и двигателем тех колоссальных тиражей, которые газеты имели в то время. В исторической литературе имеются цифры доходов от публикации объявлений, например, «Русского слова» — 2 млн руб., «Копейки» — 1 млн руб.¹¹

Декрет объявлял монополией государства печатание за плату объявлений в периодической печати. За напечатанные объявления издания, не имеющие на это прав, должны быть закрыты. Всем заведующим изданиями и предприятиями, помещающими объявления за плату, и их служащим Декретом было предписано объединиться в городские, а затем и во всероссийский союз для организации приема и печатания объявлений. Декретом был предусмотрен порядок конфискации предприятий, занимающихся печатанием объявлений самостоятельно, и уплаты при необходимости компенсации их владельцам¹². Началась практическая борьба большевиков за доходы и решение финансовых проблем советских изданий.

Принятие данного декрета означало, что осенью 1917 г. большевики предполагали постепенный переход к новым общественно-экономическим отношениям в данной сфере: не уничтожение частной печати, а запрет на определенные виды деятельности, подчинение ее известному государственному руководству, введение полиграфического производства в русло «государственного социализма». «Остаются частные газеты как общее явление, остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности», — писал В. И. Ленин¹³. Подобный подход в определенный исторический период может быть вынужденным,

¹⁰ См.: Деревенская правда, 1917. 4 (17) окт.

¹¹ Есин Б. И., Кузнецов И. В. Триста лет отечественной журналистики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 93.

¹² Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 55–56.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат. С. 200.

связанным с отсутствием необходимых административно-властных ресурсов.

Декрет о государственной монополии на объявления был оценен оппозиционной прессой как антидемократический и даже «безумный». Собрание представителей печатного дела постановило с этим декретом не считаться и даже в газетах, которые выходили без объявлений, их напечатать.

Именно так и было сделано. Все московские меньшевистские газеты продолжали печатать объявления; порядок конфискации этих изданий, предусмотренный декретом, так и остался на бумаге. «Власть народа» так объяснила читателям цели декрета: «поставить на усиленный подножный корм «Правду» и снабдить добавочным продовольствием ее сотрудников»¹⁴.

Были приведены и более серьезные, а главное, понятные простому читателю аргументы. Подчинение этому декрету увеличило бы еще больше число безработных (в Москве должны были бы закрыться 20 контор, принимавших объявления) и затруднило бы поиски работы отдельными категориями безработных, например, кухарка должна была бы сдавать объявление в газету рабочих и крестьян, которые прислугу не нанимают. Численность кухонной прислуги в 1918 г. в Москве по данным переписи 1918 г., составляла 13 130, а вместе с комнатной прислугой, нянями и другими категориями обслуживающего персонала — 50 119 человек. И это — значительная часть населения, если учесть, что все население Москвы на 1 февраля 1917 г. составляло 2 017 173 человека¹⁵.

Кроме того, частные предприятия, театры, другие социокультурные учреждения, давая рекламу, обращались бы в основном к пролетарским слоям населения, то есть принцип адресности и, следовательно, эффективности рекламы печатных изданий был бы серьезно нарушен.

И главный аргумент оппозиционной прессы, имевший политический характер, был

выдвинут в газете «Власть народа» 23 ноября 1917 г.: декрет, передав все объявления в том числе и предвыборные, в руки одной партии, ликвидировал бы свободу политической пропаганды. Ни «Правда», ни «Социал-демократ» достойных контраргументов меньшевистской прессе не нашли. Попыткой защитить декрет можно считать речь Троцкого, напечатанную в «Правде», в которой он назвал подобные доводы «мелкими и пошлыми предрассудками мещанской среды»¹⁶.

Обзор прессы за конец 1917 — начало 1918 г. показывает, что в Москве введения государственной монополии на объявления практически не произошло. Все газеты пестрели объявлениями, занимавшими целые полосы, например, вечерняя газета «Время», «Раннее утро», «Жизнь». Такса на объявления была обновлена, обнародована и зависела от количества строк и места напечатания. Самыми дешевыми были объявления «для лиц, ищущих труда». Видимо, с целью хотя бы как-нибудь упорядочить распространение объявлений в Москве комиссар по делам печати В. Н. Подбельский издал в январе 1918 г. приказ, по которому предприятия, печатающие объявления, за исключением театральных и цирковых, обязывались предоставлять их на предварительный просмотр в канцелярию по делам печати рабочих и солдатских депутатов. Очевидно, что даже при желании редакций газет выполнить этот приказ было невозможно, так как размещение объявлений требует оперативности и минимума издержек для печатного органа.

Интересна и поучительна реакция бизнеса на действия властей. Буржуазная московская «Утро России», имевшая сотысячный тираж, в декабре 1917 г. сообщила читателям, что Советская власть готовит новый декрет об объявлениях «вследствие практической неосуществимости первого декрета». Новый декрет, якобы, допускает печатание частных объявлений для всех периодических изданий, но с полученной от объявлений суммы должен будет

¹⁴ См.: Власть народа, 1917. 23 нояб.

¹⁵ Красная Москва, 1917–1920. Статистический сборник. М.: Гос. образцовая тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина) 1920. С. 154, С. 51.

¹⁶ См.: Правда, 1917. 13 дек. (30 нояб.).

уплачиваться определенный процент в пользу местных властей. Можно предположить, что таким образом частная пресса предлагала замену монополизации дела печатания объявлений установлением налога в пользу Советской власти, то есть компромисс политический и экономический.

Предложение предпринимательских кругов было частично реализовано в Москве. По сообщению вечерней газеты «Четвертый час», в которой сотрудничали Аркадий Аверченко, Вера Ибнер, Алексей Толстой, комиссариат по делам печати временно разрешил печатать объявления, относящиеся к области театра, кинематографа, музыки, живописи в специальных органах печати. Объявления подлежали обложению налогом в пользу государства в размере 15 коп. со строки. Данный опыт можно рассматривать как попытку новой власти в начальной фазе революции решить проблему взаимоотношения с небольшевистской прессой экономическими мерами, сохраняя часть старых институтов периодической печати и альтернативные формы собственности.

Факты свидетельствуют, что декрет об объявлениях практически ничего не дал новой власти с точки зрения финансирования советской прессы. Зато ленинская идея отчуждения типографий и запасов бумаги была практически осуществлена.

28 января 1918 г. был принят Декрет о революционном трибунале печати (он просуществовал до 4 мая 1918 г., когда было отменено деление трибуналов по отраслям). Помимо политического значения и политических мер воздействия для нарушителей декретов о печати, трибунал печати мог применять и такие наказания, как денежный штраф, секвестр, реквизиция, конфискация в общенародную собственность типографий и материальных средств. Это означало, что большевики пытались параллельно решать две экономические задачи: задачу обобществления собственности и задачу накопления материальных ресурсов в новом, социалистическом секторе экономики, применяя различные меры: от «мягких» до репрессивных.

Ленин еще до революции обозначил, каким будет справедливое распределение средств:

пропорционально числу сторонников определенного политического института. На первое место Ленин поставил государство, на второе — крупные партии, собравшие сотню или две сотни голосов, на третье — мелкие партии или любую группу граждан, собравшую сколько-то подписей. Идея пропорционального распределения средств была подвергнута критике демократическими изданиями. Например, А. Серебров в газете «Новая жизнь» от 7 ноября 1917 г. писал, что если согласиться с этой идеей, то ни одно новое течение, ни одна партия не сможет иметь своего голоса по той простой причине, что в начале своей работы она, конечно, не будет иметь сколько-нибудь значительного числа сторонников. Но это — аргумент политический. С точки зрения решения проблемы материально-технического обеспечения производства ленинскую позицию можно трактовать как умеренное, постепенное обобществление собственности и перераспределение материальных средств в пользу государства. Трудно предположить, что на практике советская власть делилась с оппозицией конфискованным имуществом даже пропорционально числу сторонников. Это противоречило бы логике революционной борьбы в принципе. Однако следует отметить, что в отношении национализации полиграфической промышленности Советская власть придерживалась политики известной осторожности и осмотрительности.

В собственности известного предпринимателя И. Д. Сытина к сентябрю 1918 г. оставались три крупные типографии: две в Москве и одна в Петрограде. Существовало Правление товариществ печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина, которое на общем собрании пайщиков в марте 1918 г. рассмотрело план работы на 1918–1919 гг.

Тем не менее в отношении типографии газеты Сытина «Русское слово» в Москве был применен секвестр, то есть юридическое запрещение, налагаемое на пользование имуществом. Реквизиции или принудительному отчуждению имущества, принадлежащего частным лицам или организациям, с выплатой компенсации подверглись типографии газет «Новое время», «День», «Речь», «Русская воля». В них

стали печататься «Беднота», «Деревенская беднота» а в типографии Сытина — «Правда», «Известия рабочих и солдатских депутатов». По решению московского трибунала печати в апреле 1918 г. редактор «Утра России» был оштрафован за «распространение провокационных слухов» на 100 тыс. руб. Известно, что «Утро России» смогла продержаться до июля 1918 г., причем с довольно значительным тиражом в 100 тыс. экземпляров.

Следует отметить, что конфискациями занимались не только большевики, считавшие это дело законным и справедливым. В Москве группа членов партии анархистов объявила о конфискации ими типографии «Московский листок», где печаталась эсеровская «Земля и воля». И не только объявила, но и заняла ее, используя вооруженную силу. По этому поводу издатель и редактор В. Орлов направил письмо в МВРК с просьбой «выяснить экономические отношения в типографии»¹⁷.

Одной из важнейших экономических проблем печатного дела является организация распространения печатной продукции. У пришедшей к власти партии большевиков не было легального опыта этого дела. «Номер отпечатан — значит, дело сделано, — думаем мы. Газета отпечатана — значит, пора начинать работу, — думает американец, — писал Керженцев, заместитель главного редактора «Известий ВЦИК» в 1918 г. — В отношении распространения — мы дилетанты»¹⁸. Известно, что «Керженцев» — псевдоним П. М. Лебедева, видного большевика, находившегося в эмиграции с 1912 по 1918 г. в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. В этот период он работал в различных газетах и журналах: «Правда», «День», «Киевская Мысль», «Летопись», а после возвращения в Россию — в газете «Новая жизнь». Керженцев написал руководство по изданию газет с обзором состояния европейского газетного дела¹⁹. Очевидно, что он имел возможность сравнить принципы функционирования периодической печати России и западных стран.

До октября 1917 г. в Москве действовала хорошо организованная сеть распространения печатного слова: контрагентства, железнодорожные киоски, хорошо налаженный транспорт, учет спроса на читательском рынке. Особенно эффективно дело распространения было поставлено в издательстве И. Д. Сытина, агентство которого имело связь со всей русской провинцией. Его услугами пользовались все газеты и журналы, издававшиеся в Москве.

После октября 1917 г. изменился сам принцип распространения газет. Если раньше они читались в основном теми, кто их покупал (только 1% газет поступал в читальни)²⁰, то после революции, по сути дела, произошел переход от распространения к централизованному распределению через Отдел распространения произведений печати и Военный отдел издательства ВЦИК. 26 ноября 1918 г. на базе этих учреждений было создано единое учреждение по снабжению и распространению периодики — Центропечать, которое возглавил Б. Ф. Малкин.

Однако, несмотря на централизацию, дело распространения печатной продукции оказалось непростым. Основной трудностью в распространении большевистских газет в Москве, по свидетельствам очевидцев, был их поздний выход. К 10–11 часам в продаже не было ни «Известий», ни «Правды»²¹. Рабочие просто не успевали прочитать газеты, так как их не было утром. Причину этого ненормального положения партийные органы видели не в плохой организации дела, а в саботаже сотрудников контрагентства ВЦИК и наборщиков типографии «Известий».

Между тем и после октября 1917 г. в Москве существовали «буржуазные» каналы распространения газет через газетные артели, которые работали успешно до лета 1918 г. Большевики пытались решить проблему административным путем: Моссовет уведомил владельцев киосков на железнодорожных вокзалах, что

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3.

¹⁸ Правда, 1918. 6 окт.

¹⁹ См.: Керженцев В. Газета. М., 1919.

²⁰ Ингулов С. А. Партия и печать. М.: Работник просвещения, 1928. С. 119.

²¹ ЦАОПИМ. Ф. 3, Оп. 1, Ед. хр. 21, Л. 61.

к продаже допускаются только «Социал-демократ», «Известия», «Правда», «Деревенская правда», а также установил штрафы за бойкот арендаторами киосков большевистских изданий. Фактически в Москве в отдельные периоды запрещался не выход оппозиционных газет, а их продажа, что также относилось к финансовым санкциям и приводило к сокращению тиража. Правда, конкуренцию в распространении печатной продукции быстро уничтожить не удалось: сохранялась, например, и так называемое «Кооперативное Издательство», которое существовало при поддержке эсеровской «Власти народа». Оно предлагало доставлять все издания, кроме большевистских.

У советских органов по распространению печати была возможность прибегнуть к услугам «альтернативных» распространителей. В контрагентство ЦИК (ранее принадлежавшее И. В. Суворину) с предложением о сотрудничестве обратились представители профсоюза московских печатников, работавших как частные распространители, не состоявшие в артели. При предоставлении свободы действий профсоюз уверял, что будет «действовать на развитие тиража советских газет»²². Однако советская власть в Москве пошла по другому пути: 26 июня 1918 г. вступил в действие Декрет о национализации газетной торговли, по которому газеты для распространения должны были продаваться не артелям, как это практиковалось раньше, а учрежденной центральной организации по распространению прессы. Газета «Четвертый час» отмечала, что новая организация предложила газетам условия, которые для многих оказались неприемлемыми: понизила плату за экземпляр, установила неограниченный возврат непроданных экземпляров и другие условия и ограничения. Многие небольшевистские газеты с этого времени перестали выходить, например, «Свобода России», «Наше слово» и другие, так как стали убыточными. Таким образом, административные меры большевиков в печатном деле имели и политические, и экономические последствия,

причем экономические результаты оказались по большей части неудачными. «Какой стыд! — писал Е. Ярославский. — Национализировали лучшие типографии. Всю бумагу взяли в свои руки, весь транспорт, контрагентства. В типографиях, где буржуи выпускали более миллиона экземпляров газет, коммунисты едва успевают выпустить треть этого количества и выпустить поздно, небрежно!»²³

Кроме того, наметилась тревожная тенденция чрезмерной, явно непроизводительной траты материально-технических, людских и других ресурсов, например, в ведомственной печати. В Москве уже в 1918 г. она достигла значительных масштабов. Особенно вопиющие факты были приведены в «Правде» от 14 сентября 1918 г. о состоянии продовольственного дела в Москве и печатных органов этого ведомства. В условиях бедственного положения с продовольствием в Москве издавалось четыре продовольственных печатных органа, в которых было занято 6 тыс. человек. «Конечно, — пишет корреспондент, — против исследования в области продовольственного вопроса возражать не приходится, но вместо продовольствия мы получаем единственно литературу (если не макулатуру)».

Итак, можно констатировать, что хорошо налаженные до революции печатное производство и распространение периодики были почти полностью разрушены. Национализация, обобществление, централизация печатного дела устраняли здоровую конкуренцию, снижали общий уровень газет, лишали их экономических стимулов и создавали условия для нерационального расходования ресурсов.

Одной из сложнейших политических и экономических проблем в 1917–1918 гг. была проблема взаимоотношения революционной власти с рабочими-печатниками. В Москве, согласно переписи 1918 г., работало 7 849 рабочих-печатников и в списке важнейших профессий московского населения печатники занимали четвертую позицию после слесарей, портных и ткачей²⁴. Среднегодовой заработок

²² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 7.

²³ См.: Правда, 1918. 24 сент.

²⁴ См.: Красная Москва. С. 148.

рабочих, занятых в полиграфическом производстве, по России в 1917 г. составлял в бумажных рублях 2584 руб., в товарных — 384. По сравнению с заработками рабочих других специальностей это были высокие показатели²⁵. «Союз работников печатного дела», руководство которым принадлежало меньшевикам и эсерам, был той силой, которая активно влияла на обстановку в столице, отстаивая лозунг свободы печати и выступая за свободный выход всех газет. Уже в первые дни существования советской власти в газете «Вперед» от 4 ноября 1917 г. под рубрикой «За свободу печати» была напечатана резолюция собрания рабочих типографии Всесоюзного Земского Союза, в которой наряду с протестом против насилия властей сказано: «ВРК нанес оскорбление печатникам, так как не обратился при закрытии буржуазных газет в союз печатников». И это сложно считать простой декларацией, если, отвечая на вопрос, почему выходят контрреволюционные газеты, Ленин в июле 1918 г. как одну из причин назвал позицию профсоюза печатников.

В декабре 1917 г. в Петрограде состоялась вторая Всероссийская конференция Союза работников печати, представлявшая 79 тыс. рабочих. Большинство на съезде было меньшевистским, таков же был избран состав Правления Союза. Приняв резолюцию о свободе печати, руководство профсоюза открыто сопротивлялось проведению в жизнь декретов о печати. В Петрограде эта борьба завершилась победой большевиков, и в 1918 г. Правление было переизбрано.

В Москве влияние меньшевиков и эсеров в профсоюзе печатников было более заметным и вылилось в острую политическую борьбу. Одной из крупных акций печатников Москвы было объявление забастовки в ответ на санкции против самой крупной буржуазной газеты Москвы — «Русского слова», которой владел И. Д. Сытин. В типографии Сытина еще весной 1917 г. недолго печатались «Известия

Московского Совета рабочих депутатов». Большевистские власти сочли этот факт достаточным основанием для секвестирования²⁶ типографии с запасами бумаги и материалов с последующим закрытием «Русского слова» в ноябре 1917 г. В типографию Сытина перенесли печатание «Социал-демократа» и «Известий». Оппозиционная пресса начала кампанию в защиту «Русского слова», а рабочие-печатники прекратили работу и потребовали уплаты жалования как раз в тот момент, когда банки были закрыты. Власти Москвы объявили забастовку политической, что для рабочих типографии Сытина означало формальное и практическое исключение из числа безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями материального характера. Однако под давлением профсоюза печатников фактически решение о закрытии газеты было отменено: разрешено было выпускать ее под другим названием — «Новое слово», затем «Наше слово», которое выходило до конца 1918 г. тиражом в 100 тыс. экземпляров. Забастовка рабочих типографии «Русского слова» была только началом серии конфликтов печатников с советской властью в Москве.

Сложнейшей как экономической, так и политической проблемой стал рост безработицы среди работников печати. Объективно после переезда в Москву правительственных учреждений для этого не было причин, так как работы для полиграфистов должно было прибавиться. Но на 20 марта 1918 г. в Москве было зарегистрировано свыше 1 500 безработных печатников, к лету их число увеличилось, а после закрытия небольшевистских газет рост безработных увеличивался²⁷. Власти Москвы через некоторые газеты обратились к печатникам с предложением: в целях уменьшения безработицы и конкуренции переселиться хотя бы временно на жительство в деревню. В «Известиях» от 3 мая 1918 г. была опубликована программа борьбы с безработицей среди печатников. Содержание проекта сводилось к созданию центрального органа, который ведал бы всеми

²⁵ Струмилин С. Г. Зарплата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда и энергетики, 1923. С. 33.

²⁶ Секвестр — запрет или ограничение, устанавливаемые органами государственной власти на использование или распоряжение каким-либо имуществом.

²⁷ Назаров А. И. Октябрь и книга. М.: Наука, 1968. С. 67.

заказами и равномерно их распределял между типографиями. Впоследствии предполагалась полная национализация всех типографий. Это был план, претворенный большевиками в жизнь, то есть реализована классическая схема строительства основ плано-распределительной экономической системы.

Как же оценивали свое положение и что предлагали сами рабочие-печатники? Следует отметить, что профсоюз работников печати был довольно состоятельной организацией, например, только одна забастовка за «второй уравнильный тариф» в 1917 г. обошлась союзу в 1 900 руб. и закончилась подписанием тарифного соглашения. Кроме того, весной 1918 г. в Москве активно действовал комитет защиты печати, созданный еще в ноябре 1917 г., который одну из задач своей деятельности видел в выдаче пособий для пострадавших в борьбе за свободу печати. В марте 1918 г. комитет ассигновал из своих средств 1000 руб. для внесения штрафа, наложенного революционным трибуналом на редактора газеты «Труд» О. С. Минора²⁸.

В отличие от петроградского союза московские печатники имели свои печатные органы «Печатник» (тираж в 1918 г. 6 тыс. экземпляров) и «Газета Печатников» (тираж 10 тыс.), а также средства для издания других печатных органов. С целью оказания помощи безработным печатникам союз решил издавать две газеты — «Вечер Москвы» и «Утро Москвы», в которых должны были работать только безработные журналисты и рабочие²⁹. Весь чистый доход предполагалось направлять в фонд помощи безработным печатникам. Газеты просуществовали несколько месяцев и были закрыты по решению советских властей.

Открытие специальных газет и создание материальных фондов помощи безработным не были главными в деятельности союза работников печатного дела. Рабочие пытались навести порядок в типографиях, улучшить организацию работы с привлечением прежних владельцев к управлению. Рабочий-печатник бывшей

типографии И. Д. Сытина Склифовский даже написал по этому поводу письмо Ленину. В нем было высказано предложение привлечь Сытина к работе в качестве заведующего типографией, учитывая его огромные организаторские возможности. Есть свидетельства, что А. В. Луначарский вообще считал, что типографию «Русского слова» следовало вернуть Сытину и разрешить свободный выход его газеты³⁰. Типография осталась в ведении Моссовета. Положение дел продолжало ухудшаться: заметно упала производительность труда, повысился процент брака, участились случаи нарушения сроков выхода газет. Изучение материалов, представленных в московских газетах под рубриками «Профессиональная жизнь печатников», «Среди печатников», органа профсоюза «Печатник» показало, что аналогичная ситуация сложилась и в бывшей типографии Саблина и в других.

Итак, в первые месяцы существования советской власти в сфере печати были сделаны попытки решить две взаимосвязанные проблемы: становление новой прессы и ликвидация оппозиционной. В целом эти меры были в русле других политических и экономических мероприятий правительства, которые Ленин впоследствии охарактеризовал как «кавалерийскую атаку на капитал». В критический момент для новой власти большевики приняли решительные меры против небольшевистской прессы: за период с конца 1917 по конец 1918 гг. было закрыто около пятисот газет. Исторически эти меры были обусловлены революцией, необходимостью защитить свою власть. Логику борьбы и причины закрытия оппозиционных газет объяснил Л. Д. Троцкий, выступая на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г. Он сказал: «Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны. Противники, с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают, следовательно, мера законная»³¹.

Однако вплоть до лета 1918 г. можно наблюдать две противоположные тенденции: с одной

²⁸ См.: Московский вечерний час, 1918. 14 марта.

²⁹ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 3. К. 1. ЛЛ. 29–30.

³⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 193а. Л. 196.

³¹ Протоколы ВЦИК Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казацких депутатов II созыва. М., 1918. С. 24.

стороны — к постепенному проведению социалистических преобразований с использованием элементов частнохозяйственной инициативы (сохранение частных типографий и газет, практическое бездействие декрета о государственной монополии на газетные объявления); с другой стороны, видна явная склонность к ускоренному созданию государственного сектора экономики (реквизиции, конфискации, создание централизованных органов управления и распределения).

Это подтверждает и история функционирования прессы в Москве в 1917–1918 гг. Дальнейшее обострение политического положения в стране и стратегические цели большевиков предопределили победу второй тенденции. В условиях и без того кризисного положения полиграфической промышленности это привело к массовой безработице среди рабочих-печатников и серьезным социальным конфликтам. Однако особенность развития газетной периодики России в годы революции и Гражданской войны заключалась в том, что, несмотря на

репрессии властей, осуществить монополизацию газетного дела в полной мере не удавалось, оппозиционные газеты продолжали выходить.

Профсоюз печатного дела был той силой, которая активно влияла на мероприятия в области печати. Нельзя отрицать, что требование профсоюзом свободного выхода всех газет было одной из причин, повлиявших на решение московских властей. За руководство этим профсоюзом происходила открытая борьба между большевиками и меньшевиками, и в силу ряда обстоятельств позиции первых в нем были слабы. Большевики не предложили эффективных мер борьбы с безработицей среди печатников, кроме того, первые мероприятия по технической реорганизации реквизированных типографий были неудачными. Совершенно очевидно, что старые методы хозяйствования в печатном деле были более эффективны. В целом можно констатировать, что политика большевиков в сфере печати была противоречива и практика построения социализма либо вообще не совпадала с теорией, либо значительно ее корректировала.

Литература

1. Аросев А. Я. Как закрывали буржуазные газеты // Красная нива. — 1929. — № 4.
2. Библиографические известия. — 1917. — № 1–2.
3. Бонч-Бруевич В. Д. Конец буржуазной печати // Журналист. — 1927. — № 11. — С. 8.
4. Власть народа. — 1917. — 23 нояб.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957—627 с.
6. Деревенская правда. — 1917. — 4 (17) окт.
7. Есин Б. И., Кузнецов И. В. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 224 с.
8. Ингулов С. А. Партия и печать. — М.: Работник просвещения, 1928. — 351 с.
9. Керженцев В. Газета. — М., 1919.
10. Красная Москва. 1917–1920. Статистический сборник. — М.: Гос. образцовая тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), 1920. — 434 с.
11. Лебедев Д. А. Шесть лет Московской печати. 1917–1923. — М., 1924.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. — М.: Политиздат, 1970. — 579 с.
13. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). — М.: Издатпрофпресс, 2002. — 272 с.
14. Московский вечерний час. — 1918. — 14 марта.
15. Назаров А. И. Октябрь и книга (1917–1923) — М.: Наука, 1968. — 287 с.
16. Правда. — 1917. — 13 дек. (30 нояб.).
17. Правда. — 1918. — 24 сент.
18. Струмилин С. Г. Зарплата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. — М.: Вопросы труда и энергетики, 1923. — 88 с.